

НАША СТРАНА

Год издания 77-й. Буэнос Айрес, 23 октября 2024

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 23 de octubre de 2024

No 3232

ФЕВРАЛЬСКИЙ РЕЖИМ БЫЛ РЕВОЛЮЦИОННО-ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ

Достоверная информация распределяется между различными социальными группами примерно в таких же пропорциях, как капитал. Чем выше положение группы, тем достовернее информация, которой она обладает.

Где-то на самом вершине социальной пирамиды реалистичность картины мира приближается к ста процентам.

Где-то в самом низу она стремится к нулю. Там валяются бессмысленные концепции, предназначенные для дебилизации и маргинализации их носителей (вроде обскурантистских представлений о мироздании, теорий о глобальном иудео-масонском заговоре или рассуждений о величии диктаторов-каннибалов).

Официальная версия любых событий (включая исторические) находится где-то посередине.

Официальная версия - это версия для среднего класса, который должен оставаться средним.

Обычно она бывает достаточно правдоподобна, чтобы большинство людей воспринимало её всерьёз. И достаточно отдалена от реальности, чтобы её было невозможно конвертировать в финансы или во власть. Думаю, реальности она соответствует в среднем процентов на тридцать - пятьдесят (если это можно выразить в цифрах).

Но это не значит, что фундаментально различна известная верхам и низам фактология. Такие случаи бывают, однако гораздо чаще разнятся не известные различным социальным группам факты, а их интерпретации. В информационную эпоху сбор фактов - задача тривиальная. Важнее интерпретации, в том числе идеологические. Любопытно, что в некоторых случаях по мере утраты актуальности информации официальная интерпретация дрейфует в сторону большего реализма. Но идеологическая составляющая официальной версии всегда отражает интересы правящей элиты.

Скажем, с 1972 по 2006 год причиной импичмента американского президента Ричарда Никсона считалось расследование смелых левых журналистов Бернштейна и Вудворта.

Потом было признано, что информацию смелым левым журналистам поставлял высокопоставленный сотрудник Федерального Бюро Расследований, известный под псевдонимом «Глубокая Глотка».

Это полшага к реальности. Но только полшага. Таким темпом официальная версия будет подбираться к действительности ещё лет сто. Против Ричарда Никсона задействовали прессу, Федеральное Бюро Расследований и Голливуд (например, в фильме Оливера Стоуна «Никсон» Энтони Хопкинс сыграл Никсона как маньяка, в

пьяном виде пытавшегося начать ядерную войну). Полагаю, что причиной столь масштабной диффамационной кампании было отнюдь не банальное происшествие в отеле «Уотергейт».

В чём заключалась реальная причина падения Ричарда Никсона, я не знаю. Оно могло быть связано с вьетнамским фиаско, отменой золотого стандарта, изменениями в американо-китайских отношениях или с чем-то ещё - в начале 70-х происходило много интересного. Но при всей туманности причин произошедшего общая идеологическая ситуация совершенно прозрачна.

Ричард Никсон был одним из лучших президентов в американской истории, а грязь на него вылили больше, чем на любого другого. Важно понимать именно это. Остальное - детали.

В истории нашего богоспасаемого отечества одними из самых туманных тем остаются Февральская революция 1917 года и деятельность Временного Правительства. В наличии есть масса фактов. Но их интерпретации в необозримом количестве публикаций уже более века мотивируются идеологически.

На одном полюсе идея, что в Первой Мировой войне Россия воевала скверно, уставший от войны петроградский гарнизон восстал, и Император отрёкся. Описание идёт буквально на уровне «фельдфебель Кирпичников шмальнул из винтара в штабс-капитана Лашкевича, а ребятам завидно стало. Ребят было сто шестьдесят тысяч».

На другом полюсе - версия, согласно которой под эвфемизмом «революция» скрывается осуществлённый под тактовку Великобритании государственный переворот, произведённый группой генералов и политиков в пользу одного (или нескольких) из великих князей.

Между крайностями есть бесконечное множество умеренных и комбинированных версий. Некоторые из них вполне серьёзные (например, они рассматривают деятельность революционных организаций в предшествующее революции двадцатилетие), другие явно бульварны (в них неизменно фигурирует некто Распутин, как в положительном, так в отрицательном контексте).

Отречение Государя описывается столь фантазмагорично, что в мировой истории трудно найти аналог этому происшествию.

Если же попытаться хотя бы теоретически смоделировать сопоставимую ситуацию, картина будет примерно следующей: По ТВ показывают какую-то бумагу на арабском языке и утверждают, что это отречение Обамы. По конституции Обама может передать власть только Байдену, но у того вдруг обнаружилась гемофилия,

поэтому Обама отрёкся в пользу Хиллари Клинтон. Клинтон два дня поносила зелёную диадему и тоже отрёклась. Выборы нового президента отложены на неопределённый срок, а исполняющим обязанности мэра Нью-Йорка назначен пользующийся у жителей города заслуженным авторитетом Усама Бин Ладен...

Бин Ладена упомянул не случайно. Временное Правительство по советской традиции принято избирать группой безвольных демократов. Однако приверженность демократии отнюдь не тождественна безволию. И оба эти свойства плохо сочетаются с терроризмом.

Достаточно посмотреть, кем был при Временном Правительстве Савинков. А Савинков - это и есть русский Бин Ладен, не больше и не меньше. Безвольные демократы использовали мегатеррориста последовательно на следующих должностях: комиссар правительства в 7-й армии, комиссар Юго-Западного фронта, управляющий военного министерства, товарищ военного министра, военный губернатор Петрограда, исполняющий обязанности командующего войсками Петроградского Военного Округа.

Реальное лицо "безвольной демократии": Савинков Борис Викторович, он же Вениамин, он же Галлей Джеймс, он же Крамер, он же Ксешинский, он же Павел Иванович, он же Деренталь, он же Роде Леон, он же Субботин Д. Е., он же Ток Рене, он же Томашевич Адольф, он же Чернецкий Константин.

Сам факт назначения на перечисленные посты Савинкова (участника покушений на Плеве, Дурново, Дубасова и Великого Князя Сергея Александровича), ставит крест на идее, что февральский режим был демократическим.

Он был революционно-террористическим, и если не красным, то густо-розовым. И не таким уж чуждым советской власти. В конце концов, Керенский ещё до занятия поста председателя Временного Правительства успел побывать заместителем председателя Петросовета (одновременно будучи министром Юстиции Временного Правительства).

Вообще, октябрь как дата установления советской власти - это некоторая условность. Уже 1-го марта 1917 года Петросовет издал Приказ Номер 1, означавший гибель России (такой приказ центральной власти, изданный в разгар мировой войны, означал бы гибель любой страны). А поскольку приказ Петроградского Совета начал исполняться, то и установившаяся 1-го марта 1917 года власть вполне можно считать советской.

Б. Моравин

СОВЕТСКИЙ ХЛЕБ

Многие культурные особенности видишь только с дистанции и не перестаешь им удивляться. Одной из таких советских особенностей являлось отношение к хлебу. Хлеб в СССР был особым продуктом и отношение к нему культивировалось весьма непростое. Оно формировалось множеством уличных и иных плакатов, табуированием пренебрежительного отношения к хлебу с детского сада, особыми стихотворениями, посвященными хлебу, которые вкладывались в головы в младших классах, телепередачами, книгами и т. д. Если вкратце - можно было выбрасывать мясные или любые другие объедки, но от хлеба, включая крошки, избавляться просто так было нельзя. Хлеб понимался советским человеком как святыня, причем даже, пожалуй, большая, чем все остальные советские святыни, включая так называемую "ВОВ" и Ильюча.

Можно было недоесть в столовой суп и второе, но хлеб нужно было потратить без остатка обязательно. Зачерствевший домашний хлеб полагалось аккуратно раздроблять и класть в непопираемое место, где его могли бы скушать городские голуби и воробьи.

Каждую осень объявлялась "Битва за урожай". Эта битва понималась почти как "малая ВОВ". На "битву" сгонялись не только студенты, но и командированные с городских предприятий сотни тысяч и миллионы взрослых людей (правда - в основном их занимали не в хлебной страде, а на "картошке", "капусте" и в других сельскохозяйственных областях, высвобождая всех до последнего крестьян исключительно под сбор зерновых). А главным священным писанием застоя была книга Шолохова "Поднятая целина".

Отправлявшиеся за рубеж брали с собой сухари, сделанные из чёрного хлеба. Самым большим подарком с родины для советских граждан, живущих за рубежом, была свежая буханка бородинского хлеба (такого хлеба, как считалось, капиталистические страны не производили). В период позднего СССР, в перестройку, когда уже начали появляться сомнения в том, что мы обеспечены продовольствием лучше всех, отношение к хлебу держалось до конца. Дикторы и телекомментаторы постепенно признавали наличие в СССР продовольственных проблем и западное изобилие, но при этом непременно подчёркивали, что несмотря ни на что советский хлеб самый лучший в мире и вообще он - уникален.

Трудно объяснить этот странный культ только лишь тем, что хлеб в 70-80-х закупался в огромных количествах на нефтедоллары в Соединенных Штатах (кажется, около половины всего потребляемого страной пшеница).

Тут что-то еще. Но что? Кажется мне, тут работали механизмы архаического сознания, связанные с сельскохозяйственными циклами.

Д. Карамышев

Молчанием предаётся Бог

В доброжелательных дискуссиях с чадами Московской Патриархии, когда заходит речь об иных удивительных исторических публичных церковных актах её митрополитов и патриархов, совершённых между 1943 и 1991 годами, они любят механически повторять: "грех епископа и даже патриарха не ложится на всю Церковь". Да, действительно не ложится. Если с ним тогда же и спорят. А если тогда же не спорят - ложится на всех, кто тогда об этих публичных действиях знал, с ними не спорил и этих патриархов в мире и любви поминал. По свойству единства церковного организма и единомыслия епископии, исповедуемого у Чаши - ложится и ещё как.

То же самое касается "Журнала Московской Патриархии", который получали все епископы МП. Любая его публичная редакционная статья со славословиями большевикам (т.е. вероотступникам), которой не возражали столь же публично, есть мнение всех архиереев МП того периода как минимум. В такой же степени это относится и к более поздним фотографиям с экуменическими сослужениями (общей молитвой), размещёнными в "ЖМП". И никакого оспора с подписями за/против экуменизма не нужно, коего и не было вовсе в древней Церкви.

В Церкви действует другой универсальный золотой принцип, сформулированный ещё Вселенским Учителем Григорием Богословом - "Молчанием предаётся Бог".

Даже если бы только всего три архиерея, Никодим Ротов, Кирилл Гундяев и Алексей Ридигер, сослужили (или вместе молились) с католическими епископами и протестантскими пасторами,

реально, после публикаций этих фотографий в официальном журнале Московской Патриархии, это легло на всех архиереев оной юрисдикции, кто смолчал - в знак согласия ли или ввиду нежелания связываться (других ведь причин для молчания нет).

То есть - на всех. Но что именно "легло"? Либо ересь, либо богопредательство (помним: "молчанием предаётся Бог") Многие, впрочем, говорят, что сослужения это не ересь, а "каноническое нарушение".

Нет, милые. Каноны и догматы прямо взаимосвязаны. Сослужение (или общая молитва) это последняя стадия развития экуменической ереси. Первая это когда просто в церковном собрании говорят, что молиться с не принадлежащими к Православной Церкви иерархами "теоретически возможно". А совместная молитва это уже священный акт веры (или безверия - по вкусу) в действии. Потому как всякая молитва и есть вероисповедный акт.

Нынешняя Московская Патриархия со всеми её "положительными сдвигами" и бесконечными внутренними спорами это церковная вероисповедная епископия, сделанная задним числом. На протяжении многих поколений она была, напротив, в вере и действиях едина и монолитна. И эта вера была не православна. А раз так - то МП это клуб любителей православия, имеющий поставления от экуменистов и служителей вероотступников. И ныне, вместо обращения к Церкви, которая могла бы восстановить их апостольское преемство (которое прерывается, если в поколениях нет православной веры), оживлённо участвующий в игре "Сделай Церковь сам". И больше ничего.

А все "богослужения", которые

проводит в открытых храмах онный разношерстный и веселый "клуб", это просто...православный балет.

Любителям же сослаться на Шестой Вселенский, не вспомнив про преп. Максима, хочу напомнить, что вернувшиеся в Православие из монофелитства иерархи сделали это при своей жизни и были приняты братски теми, кто устоял. Да и нельзя тонкий нюанс христологического догмата сравнивать со всеересью экуменизма и почти вековым служением вероотступникам. Это немножечко разное.

Анафема Св. Патриарха Тихона ложится на всех, кто по собственной воле подчинился бывшим крещёным православным христианам, ставшим вероотступниками. Т.е. Ленину-Сталину-Хрущеву-Брежневу. Иными словами - анафематствованы все социализированные в СССР бывшие христиане (имевшие Святое Крещение).

Дело даже не в анафеме Св. Патриарха Тихона всем "врагам дела Христова". Если её вообще бы и не было, ситуация совершенно бы не изменилась. Дело в Предании, заступающем общение с вероотступниками. Всякий, подчиняющийся бывшему христианину, ставшему вероотступником, вне Церкви (в отличие от гражданского подчинения просто язычникам (и даже некоторым еретикам), прецеденты которого имеются в истории Св. Церкви. См. прецедент отношений Юлиана Отступника и Вселенского Учителя Церкви Св. Василия Великого, который изменил форму поминовения императора-отступника от молитвы о здравии до молитвы о ниспослании смерти.

Вероотступник, в отличие от "недохристианина" язычника ("душа язычника - христианина"), который может вполне христианином в будущем стать, это "христианин наоборот". Просвещённый Благой Вестью, но выбравший иной путь.

Поэтому и такое разное отношение у отцов к язычникам и вероотступникам. Св. Апостол Петр, три раза отрешившись от Христа, вероотступником не был. Почему? Потому что не основал христототступнического учения, не стал проповедовать коммунистический хилизм или язычество Юлиана. И раскаялся в своем отречении сразу, т.е. при жизни, в дальнейшем делом доказав верность Христу. Поэтому и сравнивать коммунистов и их служителей со Св. Апостолом Петром, как некоторые поступают, нельзя.

Если бы у меня было достаточно усердия и терпения, я бы, обобщив опыт бытия открытых приходов Русской Православной Церкви Заграницей на пространных берегах бывшего СССР, обязательно написал монографию "Можно ли из богоборца сделать христианина", в своих основных выводах совпадающую с работой С. А. Иванова по истории византийского миссионерства.

Нельзя. Богоборца, как и варвара, нельзя сделать христианином, предварительно не разрушив его самобытный этнокультурный тип, культ предков-совков и основные поведенческие программы. Христианином можно сделать только человека. Варвар и/или богоборец - не вполне человек (не эллин, не ромей и не иудей) Во всяком случае, не человек, пригодный в качестве объекта для немедленного миссионерства. И нуждается в воцерковлении прежде воцерковления.

А. Григорьев

ГОНЕНИЯ НА ИСТИННО-ПРАВОСЛАВНОГО ХРИСТИАНИНА

Снова хлынул поток советской клеветы на истинную Русскую Церковь и её исповедников. В первую очередь на Юрия Екишева. Кто такой Юрий Екишев?

Русский монархический и религиозный деятель, математик, писатель, драматург и сценарист.

Юрий Екишев, один из лучших современных прозаиков, согласно журналу «Континент». Из Википедии: Его «прозрачная и вместе с тем глубокая проза все больше и больше кажется... сигналом из неведомой, ушедшей на дно „цивилизации сознания“» ("Новый Мир" 2006 год).

В тюрьме начал писать книгу-хронику «Россия в неволе», которая издавалась без редактирования сначала в газете «Зырянская жизнь», закрытой впоследствии за поддержку Ю. Екишева. Позже книга «Россия в неволе» была полностью издана в 2008 году в Санкт-Петербурге.

В 1994 году вместе со своим отцом построил в родном селе Вотча храм (позднее Стефано-Афанасьевский монастырь) во имя новомученика епископа Виктора (Островидова).

В 1996—1999 руководил воссозданным Стефано-Прокопьевским братством. Занимался подготовкой к изданию православной литературы на коми языке (или с параллельными коми и русским либо церковнославянским текстом): издал Молитвослов (1994), Литургию Иоанна Златоуста (1996), подготовил к изданию Псалтирь и Четвероевангелие.

Был одним из организаторов православно-монархического движения в республике Коми и основал его газету «Зерцало».

Был председателем межрегионального общественного движения «Союз Национального Возрождения» и республиканский куратор «Движения против нелегальной иммиграции».

По доносу организации «Мемориал» был обвинен по статьям 280 и 282 и приговорен к двум годам колонии-поселения (из них год провёл в следственном изоляторе). В последнем слове снисхождения у суда не просил: «Совесть моя чиста. Более того — я виню себя за то, что я ещё мало делаю в этом направлении. Я сознаю всю гибельность перспективы, к которой нас ведут нынешние власти, и, соответственно, действую сознательно по защите своего народа на своей земле».

В заключении написал эссе «Россия в неволе».

Литературные произведения, опубликованные в журналах: «Под защитой» (1995), повесть, журнал «Континент», № 85; Очерки (1996), журнал «Континент», № 90; «Дыхание ветра», повесть, журнал «Арт», затем «Наш Современник» (2005, № 11); «Ангел рода», киносценарий, журнал «Арт», № 1; «Люди Твоя», киносценарий, журнал «Арт»; «По глаголу Твоему, с любовью» (1998), роман, журнал «Арт», № 3; «Выжить или спастись? (Российская Церковь на пороге тысячелетия)». очерк, журнал «Континент», № 109; «Действия ангелов». повесть, журнал «Континент», № 110; «Давид и Ависага», пьеса; Книга «Россия в неволе» (современные хроники).

В 2021 году был осужден по сфабрикованному делу за терроризм на 15 лет строгого режима.

Прошло 100 лет с гонений большевицкой нечисти против христиан, и 2000 лет с преследования первых христиан в Риме. Но схема не меняется — в соответствии с наблюдением, сделанным в увещательном письме митрополита Антония (Храповицкого) апостату Сергию:

«Мы не имеем никакого общения с заключёнными в России православными архипастырями, пастырями и мирянами кроме того, что молимся о них, но знаем, что они страдают именно за веру, хотя гонители и обвиняют их в чуждых им государственных преступлениях, как любили делать это враги христиан и в древнейшие времена. Но и древние мученики и их собратья хорошо знали, что когда их жгли якобы за поджог Рима, то на самом деле это «мироправитель века сего» гнал их за то, что они остаются верны Спасителю.»

Однако главное — это то, что Юрий Екишев исповедует настоящую, дореволюционное русское православие канонической Российской Православной Церкви, которая одна удерживает мир от антихриста. Именно этим он бесит сегодняшних хулителей его имени — архи-лже-епископа Пивоварова и его «министра пропаганды», которые брызжут слюной от злости, когда кто-то его упоминает в уважительном тоне.

Есть что-то показательное в том, как «министр» коверкает его имя. Это его объединяет с блатными, которые все не могут произнести имени врага. Как будто тлеет в их ... чуть было не сказала «душах». Как будто тлеет у них где-то там, где у людей душа, — не знаю, что там вместо души у блатных, — тлеет суеверный страх перед силой имени, написанного или произнесенного вслух. Либо умолчать, либо исковеркать — заменить на другое.

К. Воскресенская

Проф. Иван Есаулов

«Почва» у Ф. М. Достоевского и у писателей-«деревенщиков»

2.

Каким было понимание сотоварищамии главы агитпропа А. Яковлева русской великой трагедии XX века?

По словам возмущённого Александра Исаевича Солженицына, который цитирует «наших плюралистов», цвет советской «центральной образованщины», «марксистская опричнина — частный случай российской опричнины»; «сталинское варварство — прямое продолжение варварства России»; «всё перешло в руки деспотизма не в 1917, а в 1689» (по другому варианту — в 1564. — И. Е.); «русский мессианизм под псевдонимом марксизма»; «разделение русской истории на дооктябрьскую и послеоктябрьскую — под сомнением...»; «нет изменения в русской политике с 1917 года»; «как до революции господствовало зло и подавлялось добро, так и после революции»; «между царизмом и советизмом прямая преемственность в угнетении», «качественное сходство».

Солженицын призывает: «Господа, опомнитесь! В своём недоброжелательстве к России какой же вздор вы несёте Западу? Зачем же вы его дурачите? Не было в большевицкой России ЧК, не было Гулага, массового захвата невинных, ни системы всеобщей присяги лжи, проработок, отречений от родителей, наказаний за родство». «Чего стоит нечестное, неосмысленное употребление термина “неославянофилы”, — вот уж ни одного живого “славянофила” сейчас в России не знаю».

Так писал Солженицын в 1982 г. Он даёт точное определение писателям- «деревенщикам»: «Патриоты умирающей родины».

Впоследствии — уже в 2000 году — Солженицын отмечал: «На рубеже 70-х и в 70-е годы в советской литературе произошёл не сразу замеченный, беззвучный переворот без мятежа, без тени диссидентского вызова. Ничего не свергая и не взрывая декларативно, большая группа писателей стала писать так, как если бы никакого “социализма” не было объявлено и диктовано, — нейтрализуя его немо, стала писать в простоте, без какого-либо угождения, каж-дения советскому режиму, как позабыв о нём. В большой доле материал этих писателей был — деревенская жизнь, и сами они выходцы из деревни, от этого (а отчасти и от снисходительного самодовольства культурного круга) эту группу стали звать деревенщиками. А правильно было бы назвать их нравственниками — ибо суть их литературного переворота была возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная вымирающая деревня была лишь естественной, наглядной предметностью».

Отметим в приведённом высказывании выражение «возрождение традиционной нравственности».

Кто «они», о которых говорит Солженицын? В. М. Шукшин, А. Я. Яшин, Б. А. Можжев, В. А. Солоухин, Ф. А. Абрамов, Г. В. Семенов. Ну и, конечно, В. И. Белов и В. Г. Распутин.

Можно ли вполне согласиться с подобной характеристикой Солженицына? Ведь деревня — именно что «умирающая»

и добываемая. Однако давайте задумаемся: что же было «почвой» для советских «деревенщиков»?

Разве укорененные в православии русские люди? Этого нет даже у распутинских старух. Не говоря о персонажах Абрамова, Белова и Шукшина. И это второй принципиально важный момент исследуемого проблемного поля.

Каждому непредвзятому исследователю, как я полагаю, очевидно, что большинство тех характеристик, которые В. Н. Захаров — совершенно справедливо — относит к почвенничеству Достоевского (братьев Достоевских), при всем желании у писателей-«деревенщиков» найти невозможно: «что Россия — хранительница Православия, что “идеал народа — Христос”, что сознавать себя и быть русским, следовать вере отцов».

Остался круглый земледельческий год как фон жизни героев, осталось предпочтение цикличности перед линейно-историческим «прогрессом» (вспомним идеологему непрерывности истории, с обращения к которой открывается наше размышление).

В сущности, советская литература, обращающаяся к деревенской тематике, очень походит на литературу русскую.

Однако же если под «почвой» понимать не абстрактную «духовность» и «нравственность», а духовность христианскую, православную, то именно эта почва и была уже выбита из-под ног — ещё до рождения большинства писателей-«деревенщиков». Ибо исчезло главное — живое ощущение присутствия Христа в собственной жизни (как это показано, например, в «Лете Господнем» Ивана Шмелева).

Для русских писателей XIX века — и Достоевского, и Толстого — крестьянская жизнь была синонимом жизни христианской. И календарный земледельческий цикл был сплетен с православным литургическим календарем.

Но как могла остаться христианская жизнь, если — и с особым накалом именно в РСФСР — уничтожались всякие следы православия? Особенно в деревне.

Да и кто жил в этой деревне? Разве крестьяне как христиане? Нет, жили колхозники и совхозники.

Разве Христос является символическим центром в «Прощании с Матерой» Распутина? Нет, некий фольклорно-языческий Хозяин. Фольклорная символика его произведений прочитывается очень легко, но она не переплетена с символикой христианской. У Белова в «Ладе» показана красота прежней крестьянской жизни. Но где и там Христос? Его нет. И где же там следы православия в качестве культурной доминанты? Увы, они вытравлены, их тоже нет.

Почвенничество ставило своей задачей преодоление разрыва между образованной частью общества и народом, но народом, тогда, во времена Достоевского, продолжавшим жить по-христиански. И именно это вызывало ожесточенные нападки тогдашних «прогрессистов», от либералов до революционных демократов.

Подобные же «прогрессисты», только куда более радикальные, вроде Яковлева, клеймили и «деревенщиков». Но за что? На

социализм советские писатели, хотя бы и деревенского происхождения, воспитанные в советской же культуре, покусаться не дерзали. За что же?

Очевидно, за плач о гибнущей — или даже уже погибшей — родине. Не деревенской, а родине как таковой. В конце концов что такое эта литература? Это поминки по русской жизни: мотивы погребального обряда (но опять-таки языческого, не православного) выстраивают сюжеты, например, распутинских повестей. И именно за то, что это именно поминки — вместо жизнеутверждающего советского оптимизма, — их и обзывали «деревенщиками» и вытаскивали в такую же «резервацию для туземцев», какой стала колхозная деревня при Советах.

Идеологи вроде Яковлева требовали от крестьянских детей следующее: согласно партийным директивам, для них мало было примириться с советской властью, которая, по словам академика И. Р. Шафаревича, уничтожила крестьянскую цивилизацию. С позиций «смотрящих» за литературным процессом — и направляющих вектор развития «советской культуры» — писателям-«деревенщикам» следовало ещё и воспевать собственное уничтожение, воспевать уничтожение собственной родины. Но на это не потерявшие окончательно совесть писатели все-таки пойти не могли... В 1920–1930-е гг. их бы просто расстреляли, как перебили первый ряд русских крестьянских писателей того времени — Н. Клюева, С. Клычкова, В. Наседкина, П. Орешина и др. А в 1970–1980-е просто травили, что лишь усилилось в перестройку.

В СССР доминировала — особенно в наших медиа и «советской культуре» — мифология «общей народной жизни». На самом деле даже при самом поверхностном рассмотрении эта мифология не выдерживает никакой критики. В конце концов что такое «колхозы и совхозы», из которых невозможно выбраться (общегражданские паспорта, то есть возможность свободно выехать, стали невозбранно выдавать лишь со второй половины 1970-х гг.)? В некотором смысле слова это ведь и в самом деле своего рода резервации, откуда пытались убежать куда угодно: даже на чудовищные «стройки коммунизма» и в городские бараки — всё было лучше, чем в этих резервациях. Наряду с этими резервациями существовали и своего рода привилегированные «гетто», такие как творческие посёлки вроде Передельного и им подобные, урбанизированные «гетто» (например, московский «Дом на набережной» или «Дом чекиста» в Свердловске).

Насколько в свете сказанного корректно понятие «почвенничество», примененное к писателям-«деревенщикам»?

Поэтика их произведений в определенной степени всё-таки наследует традиции русского классического реализма, хотя и редуцированно. Немаловажно и то, что современник, читавший их, узнавал характерные черты собственной жизни.

В тех реалиях, когда невозможно

свободно даже крестить детей, венчаться в церкви, отпевать своих покойников, не говоря о со-гласовании крестьянского труда с годовым кругом литургического, христианского года, истолковывать такую квазидеревенскую (ана самом деле колхозную и совхозную) жизнь «как должное», как нравственно чистую достаточно странно. Это квазипочвенничество кардинально отличается от того почвенничества, которое желал Достоевский.

Ибо сама почва была напрочь содрана, до глины, как уничтожена и сама крестьянская жизнь.

СТАЛИНСКАЯ МП

Человек эпохи постмодерна даже церковный, никогда не сможет правильно понять феномен пресловутых "хрущевских гонений на Церковь" после десятилетия (1943-1953) трогательной и патетической симфонии МП и сталинского государства. А ведь эти гонения были обыкновенной чисткой от истовых церковных сталинистов, которую Хрущев проводил что в церкви, что в аппарате партии и среде государственного чиновничества. Под вывеской борьбы с религиозным обскурантизмом он убирал тех, кто мог быть ему своим сталинским зилотством опасен.

Ведь МП почитала своего создателя и отца, Иосифа Сталина, как "Совершенного Человека", то есть практически Бога на земле.

Даже в брежневские вегетарианские времена дух МП был зачастую чрезмерно сталинско-зилотский для расслабленного и уже почти политкорректного руководства СССР.

Так, партия и правительство никогда не требовали от всех граждан СССР участия в антизападном квазирелигиозном горении. И, напротив, МП в лице будущего патриарха Алексия Второго и других иерархов неоднократно заявляла, что долг каждого христианина - участие в "священной антиимпериалистической борьбе". А когда в конце 80х (а именно в 1989-ом и 1990-ом году) руководство СССР отказалось поддерживать братские ГДР, Кубу и другие страны социалистического лагеря, где тем временем шли собственные национальные реставрации, патриарх Алексей Второй через "Журнал Московской Патриархии" публично заявил, что Церковь поддерживает народные революционно-освободительные движения по всему миру (1990). То есть марксистов. Его никто то-гда уже это делать не просил и не заставлял, неминуемый и скорый крах СССР в 1990-ом был очевиден всем.

В середине 90х он поддержал соратников богоборцев в Эфиопии против антикоммунистические настроенной части иерархии этой странной "церкви". А в 2005-ом поздравил вьетнамское коммунистическое руководство с годовщиной победы над христианским Югом.

Воистину, те, кто сформировался в 40-50 - самые последовательные защитники дела Сталина на планете. И патриарха МП в этом смысле можно назвать "удерживающим наоборот". Удерживающим последние флюиды отца народов и "совершенного человека" Иосифа Сталина - даже тогда, когда его дело предали все.

Е. Фокин

МЫСЛИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА

АБСУРД ТОШНОТЫ

У Сартра чистое бытие — клейкая паста, заполонившая собой всё пространство, только что наполненное светом и красками и вдруг представшее в совсем ином виде. Его от бытия тошнило. Меня тоже тошнит от бытия, но по другой нежели чем Сартра причине.

Я вижу все эти неоновые вывески вокруг, пабы, коворкинги, музеи, очеловеченные и даже где-то осмысленные лица современных москвичей, но тут это видение перебивается другим — видением Москвы 1985 года, в котором мне исполнилось шестнадцать лет, а моего отца убили. Вокруг насупленные, сжатые лица советских выживальщиков, ветеранов ВОВ, дворовых гопников, ходивших «районом на район», залётных люберов, ментов, советских попов, читающих духовные лекции о героическом революционно-освободительном движении в Латинской Америке с амвонов своих храмов вместо церковных проповедей, в общем, весь этот кошмар, и понимаю, что в нынешних приветливых коворкингах и пабах работают их дети. То есть ветер подует — улыбки-то с их лиц сползут и они опять превратятся в то, чем их родители были.

ПОСМЕРТНАЯ ЖИЗНЬ ХОРОШЕГО СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Не будем брать советских за-предельных чертей — партпропагандистов и комиссаров, политруков и палачей НКВД, воинствующих безбожников и продажных архиереев Советской Церкви, рекламировавших СССР как царство добра и мира с верующими людьми со всех видных гуманитарных площадок планеты, СМЕРШевцев и вертухаев. Возьмём «обычного человека», даже «хорошего человека» — трудящегося в школе или на заводе, помогающего людям и, хотя неверующего как все последовательные советские люди, не преследующего верующих лично, не открытого богоборца.

И зададимся вопросом — какова его ценность у Бога? Имеет ли он шанс на спасение если в обычной жизни был относительно «хорошим» и лично христиан не убивал и не гнал?

Как ни странно, такого человека мы обнаруживаем уже в Священном Писании в лице Понтия Пилата. Ведь он был против преследования иудеями Христа и «лишь» руки умыл. На фоне Синедриона и толпы иудейской просто умничка. Хороший такой рациональный правитель, не изувер.

Вот так же и с советскими «хорошими людьми». Если они с величайшим и беспрецедентным для христианской человеческой истории злом в лице советской власти не боролись лично, если лично не защищали верующих, рискуя собой, то они так же «умывали

руки», как и Понтий Пилат. Иными словами, среди тех, кто в СССР жил, ценностью для Бога обладали лишь те, кто боролись с советской тьмой. А остальные стоят в глазах Божиих столько же, сколько Пилат, то есть вообще ничего.

ПОД КРАСНЫМ ФЛАГОМ

Декларация о нравственной, генетической, юридической и социал-антропологической ущербности всех воинов под красным флагом должна быть незамедлительно принята такими организациями как ООН. Сейчас уже речь идёт о риске уничтожения всей планеты по вине краснознаменных вооружённых сил нескольких маргинально-экстремистских государств, возникших в результате попрания естественного права и красного террора, поэтому человечество должно реагировать адекватно. Время «конвергенции» закончилось, и надо бить красную сволочь по мордам в любом планетарном «сортيره» и «гараже».

ОДОБРЕНИЕ МАСС

Правящему классу не нужно одобрение масс. Более того, если такое одобрение есть, то он явно делает что-то не так. Это отчетливо понимал португальский профессор Салазар, когда запретил массовую партию в свою поддержку, назвав любые, даже лояльные ему лично массовые движения вредными манифестациями плебса. И в этом его, Салазара, расхождение с национал-социализмом, либерализмом и коммунизмом, четвёртый путь реакционного европейского коимбрского профессора, истина высококультурных, вистготско-романского корня аристархов.

Правящий класс, напротив, призван к максимальному ущемлению масс, так же как и любящий родитель должен быть максимально строг со своими детьми. А «массы» это даже своим традиционным правителям не «дети», а совсем и вовсе наоборот.

ВЫХОД ИЗ КОШМАРА

Что нужно сделать, чтобы весь нынешний кошмар закончился?

Провести международный трибунал по преступлениям коммунизма, где, с привлечением экспертов, историков и генеалогов, сформулировать, наконец, что есть коммунизм, собственно, такое — глобальное и главное преступление за всю летописную историю человечества, преступление против генеалогических основ человеческого общества, когда худшие занимают в социальной иерархии места лучших, а лучшие массово уничтожаются или переводятся на положение обслуги и рабов. Сформулировать, что правые мобилизационные европейские режимы 1920-1940 годов являлись ответной реакцией на глобальный коммунистический пожар и должны быть реабилитированы, поскольку боролись с самым большим, глобальным и беспрецедентным злом, с невиданной по последствиям социальной чумой (сотни миллионов погибших от коммунистических преступлений по всему миру).

Создать и профинансировать русскую господскую партию (возможны альтернативные названия) незапятнанную в преступлениях коммунизма (и путинизма как реабилитирующей

преступления коммунизма идеологией) не только лично, но и, что еще важнее, в своих прямых предках. Подобные люди не только лучшие из русских по морали, талантам и уму, но еще и самые красивые из русских, а красота притягательна.

Партия будет объединять людей в РФ и эмиграции и придёт к власти после крушения режима последышей и прямых потомков коммунистических преступников — уродов, убийц, жуликов и воров.

Ну и признать на уровне ООН и с других международных площадок очевидное — люди не равны и никогда не были равны на генетическом уровне, а эгалитаризм, то есть уравнивание благополучных и неблагополучных генетически членов человеческой популяции, и есть то беспрецедентное, невиданное за пять тысяч лет исторического времени зло, которое поставило в XX веке и ныне мир на порог физического уничтожения планеты, атомной войны.

Все эти мероприятия будут означать давно назревший переход к геномике, к Эпохе Возвращения as is. Коммунизм и путинизм бросили человечеству экзистенциальный вызов. Путин лично претендует на то, чтобы возглавить борьбу всех подлецов, воров, головорезов, негодяев и аутсайдеров планеты против господского человечества Первого Мира.

Победить его можно лишь старыми (вечными) принципами в новой обёртке, переходом к Новому Средневековью, генно-социальной стратификацией, научной, экономической и политической геномикой и более ни чем иным другим. Он преступник не потому, что убил сотни тысяч и намеревается убить миллионы, а преступник по рождению, как и вся его «вертикаль», состоящая из нравственно умопомешанных гибридов потомков Адама и лесных обезьян, то есть (пост)советских потомков общинников-крестьян и сталинских колхозников, настоящих полулюдей-полузверей из христианского предания и житий, генетическое неблагополучие которых ныне может быть доказано строгими методами современной геномики даже без привлечения деревенской этнографии, криминальной антропологии и религиозно-агиографических максим.

СПАСЛИ ЧЕСТЬ

Славный Русский Корпус на Балканах в 1941-1945 годах: русские православные христиане, положившие живот свой в кровопролитной борьбе с врагами Самого Бога.

Белые воины и их сыновья под командой генерал-лейтенанта Бориса Алексадровича Штейфона не смогли спасти остатки христианского европейского мира от уничтожения руками богоборцев, их было слишком мало. Но они спасли честь России и свои души, отдав самих себя за христианский миропорядок и христианскую веру. И молитвенно заступаются ныне за всех русских.

ЧЕСТЬ И ПОДЛОСТЬ

Замечательный диалог из «Женитьбы» Н.Гоголя: «Вы после этого подлец, коли вы честный человек ... Я — мужичка, да не

сделаю этого ... Видно, только на пакости да на мошенничества у Вас хватает дворянства.»

И действительно. Все эти живожурнальные баталии, интриги и обвинения наших доморощенных психологов иных юзеров в «бесчестных» и каких-то там еще коварных действиях — глупость несусветная. Нужно быть внимательным к родной речи.

Честь — она вообще-то для господ. Чтобы хотя бы просто прослыть «подлецом», нужно для начала быть просто «честным человеком».

Бывший освобождённый комсомольский работник, торговец с рынка или там успешный яппи-менеджер верхнего звена «подлецом» быть не может: Нельзя ждать от человека определенного происхождения, воспитания, профессии и среды «чести». То есть ждать-то можно, но возмущаться, при-зывать к ответу и требовать чего-то — нет. И сейчас, в эпоху раскрепощённого и внесловного общества, воспитанного человека видно сразу. Это свободный человек.

И ни один живой гуру (про не живых и принятых уже как авторитетных авторов в среде не говорим — это другое, там мухи давно отделены от котлет), ни один общественный стереотип над ним не стоит. Если стоит — всё, перед тобой не свободный. А с не свободным как со свободным обращаться нельзя — дурной тон.

Если говорить про людей церковных (но не монахов), то таковым не свободным является любой, кто имеет постоянного и одного единственного духовника — и зависим только от его авторитета, который он не даёт себе труда поверять мнением других священников и, главное, Святых Отцов. Ну а дальше уже прямым текстом по завещению мирянам Свт. Игнатия.

БАРСТВО

Принято полагать что Синодальная Церковь в Российской Империи влачила униженное и не свободное существование. Это пропаганда модернистов.

За редкими исключениями вроде гонимого Св. Арсения Мациевича и Свт. Игнатия Брянчанинова (последний, кстати, при всей своей «гонимости» до конца жизни был Епископом) «угнетёнными» — то были народники и либералы, коих было отнюдь не много — только к началу 20-го века стали появляться в массовом числе. А настоящие русские архиереи были вообще-то всю дорогу... барями. Если не по рождению, то по положению. И барями ультраправыми.

Таковым барином по рождению, воспитанию и положению был и блаженной памяти Митрополит Антоний (Храповицкий) — главный претендент на Патриаршество на Всероссийском Церковном Соборе 1917-1918 годов и, в последующем, первый Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

Барство — вот что навсегда ушло из русской, в том числе и церковной, жизни после событий октября 1917-ого года. Барство как готовность к войне и смерти за любовь, как возможность позволить себе то, чего не могут позволить себе люди не любящие и не свободные. И как постоянный исход, военный исход. Дорога из мира, вдаль от ценностей толпы.

А. Рейнеке

«НАША СТРАНА». Орган русской монархической мысли. Основан 18.9.1948 Иваном Лукьяновичем Солоневичем. Редактор: Николай Леонидович Казанцев. Адрес для писем: Nicolás Kasanzew, Av. San Martín 3956, San Lorenzo 2200, Provincia. Santa Fe, Argentina.

NUUESTRO PAIS. Registro Nacional de Propiedad Intelectual 949917. Мы имеем право сокращать, не извращая смысла, полученные материалы. Телефон редактора: (54-9-11) 5485-2306. Э-адрес: kasanzew@gmail.com Мнения авторов не всегда выражают таковое газеты. При перепечатке ссылка обязательна. Сайт газеты: <https://nashastrana.net>